

На правах рукописи

Минлос Филипп Робертович

**Редупликация
и парные слова
в восточнославянских языках**

*специальность 10.02.03 –
славянские языки*

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2004

Работа выполнена в Отделе славянского языкознания
Института славяноведения Российской академии наук

Научный руководитель – *доктор филологических наук*
Журавлев Анатолий Федорович

Официальные оппоненты: *доктор филологических наук*
Толстая Светлана Михайловна
кандидат филологических наук
Рожанский Федор Иванович

Ведущая организация:
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Защита диссертации состоится 19 октября 2004 г. в
15.00 час. на заседании диссертационного совета
Д.002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой
степени доктора филологических наук в Институте
славяноведения РАН по адресу: 119334 Москва, Ленинский
проспект 32-а, корпус "В", 9 этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном
совете Института славяноведения РАН.

Автореферат разослан 27 августа 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Куренная Н.М.

© Институт славяноведения РАН, 2004

Предмет исследования. В реферируемой работе на материале восточнославянских языков рассматриваются следующие явления:

- редупликация. Различается *мотивированная* и *немотивированная* редупликация:
  - мотивированная редупликация повторяет существующий (мотивирующий) знак (например, рус. разг. *танцы-шманцы* образовано от слова *танцы*, укр. *хвиги-миги* образовано от *хвиги*, а белор. фольк. *шень-пень* от *пень*).
  - немотивированная редупликация не образована ни от какого знака и в общем случае вычленяется только как поверхностное явление (характерными примерами могут служить рус. диал. урал. *принджи-брынджи* ‘болтать’ или заумные сочетания в считалках, вроде белор. *чукэр-макэр*, укр. *гейло, бейло*). Автор относит к редупликации и “детские” слова, образованные повтором согласной фонемы (например, белор. детск. *ва́ва* ‘ранка’)
- т.н. *парные слова*, то есть слитные сочетания двух независимо существующих слов, вроде рус. *пить-есть*. Парные слова рассматриваются как одна из реализаций *парных сочетаний*, т. е. устойчивых сочетаний двух слов (например, *пить* и *есть*). Изучается употребление таких пар в традиционном фольклоре, а также в современной литературной и диалектной идиоматике.

Таким образом, с точки зрения деривационной членимости материал, который рассматривается в работе, распадается на три основные группы по количеству мотивирующих основ: две (сочетания), одна (мотивированная редупликация), ни одной (немотивированная редупликация).

Основными **источниками** материала для данной работы послужили диалектные словари и издания фольклорных текстов. В частности, полностью расписаны такие источники диалектной лексики, как Псковский областной словарь, 14 выпусков Словаря русских народных говоров, Туровский словарь в 5 выпусках; собрания фольклорных текстов – сборник Кириши Данилова, песни Якушкина, песни, записанные в Белозерском крае братьями Соколовыми. Кроме того, многие примеры подчерпнуты из современной беллетристики и публицистики, а также текстов из Интернета разных жанров.

Актуальность исследования связана с необходимостью рассмотреть редупликацию и парные сочетания в восточнославянских языках как единую систему. Предшествующие исследования в основном касались отдельных типов сочетаний: прежде всего парных слов (работы А.А. Потехни и О.Б. Ткаченко), отчасти других парных сочетаний (глава в монографии А.П. Евгеньевой), продуктивной разговорной редупликации (статьи Ю. Плэна, В.И. Беликова, глава в одной из коллективных монографий “Русская разговорная речь”). В начале века был опубликован ряд статей, посвященных рифмованным сочетаниям разной структуры (Н. Дурново, Р. Якобсона, М. Джафара, А. Крымского), где рассматривались рифмованные сочетания в целом; дальнейшие исследования были сосредоточены на этимологии отдельных примеров немотивированной редупликации (работы В.Э. Орла, А.Е. Аникина, Ж.Ж. Варбот и других).

С другой стороны, в последнее время появилось много важных зарубежных исследований, которые должны быть учтены при изучении восточнославянского материала. В период с начала 70-х годов в западной лингвистике появилось неожиданно много работ, посвященных редупликации. Этот интерес связан прежде всего с тем, что повторы являются довольно естественным объектом для типологического сравнения – это практически единственное морфологическое явление, представленное почти во всех языках и сопоставимое как с формальной, материальной точки зрения (в отличие, скажем, от суффиксации), так и с семантической (семантика редупликации является в значительной степени иконической и универсальной). Кроме того, редупликация является довольно сложным объектом для “аддитивных” морфологических моделей (т.е. теорий, ориентированных на линейное морфемное членение). Основные усилия были направлены на разработку морфонологического формализма, пригодного для описания редупликации (работы Р. Вилбур, А. Марантц и других). Что касается парных слов, то в 2003 году вышла монография Бернарда Вэлхли, посвященная их типологическому анализу.

Именно решение этих актуальных задач, то есть системное рассмотрение редупликации и парных слов в восточнославянских языках с использованием **методов** синхронного анализа, разработанных в современных зарубежных исследованиях, и определяет **научную новизну** работы.

Можно надеяться, что в данной работе выработана достаточная теоретическая база, которая может иметь **практическую ценность** для дальнейшего сбора и классификации материала, лексикографической работы.

Апробация работы. Некоторые результаты исследования сообщались и обсуждались на круглых столах и других заседаниях Отдела славянского языкознания и Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, на Международной школе по лингвистической типологии и антропологии (Московская обл., февраль 2002 г.), на международном семинаре по компьютерной и прикладной лингвистике “Диалог” (г. Протвино, июнь 2002 г.), на международной конференции, посвященной редупликации (г. Грац, Австрия, ноябрь 2002 г.). По теме диссертации опубликован ряд статей.

Содержание работы

Работа имеет следующую **структуру**: введение, три главы, заключение, список литературы и приложение.

Во **Введении** говорится о причинах совместного рассмотрения редупликации и парных слов. Указывается на то, что такое объединение вполне традиционно для конкретных описаний (в частности, для советского востоковедения) и отражено в общих названиях, таких как “слова-повторы” (англ. *doublings*), “слова-близнецы” (в традиции описания венгерского языка). С другой стороны, и некоторые современные теории осмыслиют редупликацию как разновидность сочетаний (в частности, Теория морфологического повтора, предложенная американками Ш. Инкелас и Ч. Цоль).

В качестве основных факторов, сближающих редупликацию и парные слова, автор называет следующие:

- 1) наличие общих фонетических закономерностей. Например, характерные рифмованные парные слова, в которых второй элемент начинается с губного, чаще всего с [м] (укр. фольк. *цілує, милує* рус. фольк. *калина-малина, кутить-мутить*) явно напоминают редупликативные формы (ср. белор. *шень-пень, чужэр-макэр*, укр. *хвиги-миги*).

- 2) наличие промежуточных случаев. К таковым в работе отнесены, в частности, парные слова, где форма одного слова изменена под влиянием другого (прежде всего “в рифму” к нему).
- 3) сходные социолингвистические характеристики: в восточнославянских языках редупликация и парные слова характерны скорее не для нормативного языка, а для фольклора и разговорной речи.

Далее, во Введении уточняются основные понятия, используемые в работе.

Редупликация определяется как морфонологическое явление, состоящее в структурно значимом повторе последовательностей фонем. Определение редупликации через повтор фонемных цепочек позволяет охватить и мотивированную редупликацию, в случае которой эти цепочки являются означающими словоформ (рус. фольк. *шахнул, махнул*) и морфем (рус. *тик-так*, ср. *тик.ать*), и немотивированную, в случае которой эти цепочки можно называть субморфами.

Прототипический случай редупликации, для которого обычно строятся теоретические модели, это “двуплановое” (А. Маранци) явление: к самостоятельно существующему знаку (“основе”) добавляется его копия (иногда не совпадающая с основой, а лишь похожая на нее); значение получившегося сочетания можно разложить на значение исходной основы и значение редупликации. В нашем материале такой случай представлен продуктивной русской разговорной редупликацией (например, *бумажки-шмажки* ‘разные бумажки и что-то подобное; говорящий относится к ним с несерьезно’). Такого рода редупликацию можно определить как мотивированную значащую.

Незначащая редупликация в изученном фольклорном материале представляет собой фонетическую игру, с которой не связано никакого ясно выделяемого значения, как в таком украинском примере:

“...чому ти вчора до мні не приходила?” “бо я ся *цуцика-муцика* бояла”. “а я *цуцика-муцика* прип’яв, ему хліба з маслом дав!”. (укр. *цуцик* ‘собака’).

Фольклорная редупликация часто фиксируется в текстах, в которых семантика отступает на второй план и слова чередуются с заумью; неудивительно, что и значение редупликации в таких текстах вычленишь затруднительно. Самый яркий пример такого асе-

мантического текста – детские считалки (ср. мотивированный повтор в белор. брест. *сахар-бахар* и немотивированный в укр. житом. *шындэр, виндэр*).

В считалках и подобных текстах немотивированная редупликация является незначашей. Особо следует выделить редуплицированные слова, которые обнаруживаются в обычном языке и, соответственно, имеют ту или иную семантику. В тех случаях, когда в ряде редуплицированных слов прослеживается один и тот же компонент значения, его можно считать частью значения редупликации (например, рус. диал. *колды́-банды́, шали-вали, шыры-пыры* ‘кое-как’); в тех случаях, когда такие значения уникальны, редупликацию можно считать незначашей (например, рус. диал. *зикка-мекка* ‘грудь кормящей матери’).

В работе вводится понятие парных сочетаний, частным случаем которых считаются парные слова. Прототипические парные сочетания связаны отношениями естественного сочинения (понятие, введенное Бернардом Вэлхли для описания парных слов). Сочетание слов в естественном сочинении (ему противопоставлено случайное сочинение) является предсказуемым, ожидаемым, между двумя элементами существует тесная семантическая связь, два понятия образуют вместе концептуальное единство. Примерами естественного сочинения являются ‘отец и мать’, ‘муж и жена’, ‘есть и пить’, ‘читать и писать’; примерами случайного – ‘человек и змея’, ‘есть и читать’ и ‘читать и плавать’.

Понятие тесной семантической связи двух слов подразумевает наличие у них нетривиальных общих семантических компонентов. С точки зрения выражаемого значения предлагается разделять две группы случаев: сочетания синонимов и сочетания несинонимичных слов. Синонимы употребляются вместе для уточнения смысла: как правило, в таких сочетаниях второе слово имеет более частную семантику, т.е. уточняет значение первого, более общего синонима (напр., рус. *плакать-рыдать, армия-пехота*, белор. *щоб не болело, щоб не щемило*, укр. *шумить-гуде*). Сочетание несинонимичных слов интерпретируется через обобщение; такая модель называется “суммирующей” (напр., рус. *поил-кормил, роژه-пшеница*, белор. *ткаць ні прасці, мед-віно* укр. *сіе-оре*). В глагольных несинонимических парах возможно также иное семантическое соотношение между элементами, называемое в работе “действие-интерпретация” (рус. *ходить-гулять, плакать-грустить*, укр. *не плач, не журись*).

Нередко в синонимических сочетаниях не удается установить ясной семантической структуры, так как употреблены очень близкие синонимы, как в рус. фольк. *пора-времячко*, *тоска-кручина*, белор. фольк. *печаль-жалоба*, укр. фольк. *час-година*, *лихо-журба*. В работе высказывается предположение, что в таких случаях синонимы употребляются вместе для усиления смысла, для того, чтобы подчеркнуть понятия, особенно важные в данной (суб)культуре (вроде *путь-дорога*). Именно потому, что с собственно семантической точки зрения сочетания синонимов избыточны, они показательны для выделения “ключевых” культурных концептов – подобно тому, как на важность соответствующего понятия для данной культуры указывает необычная (по сравнению с другими языками) частотность слова (см. в частности работу А. Вежбицкой “Понимание культур через посредство ключевых слов”).

Далее отмечается, что парные сочетания могут иметь совершенно разную синтаксическую и даже дискурсивную реализацию. Степень слитности элементов таких сочетаний может быть представлена в виде шкалы, где на одном конце будут находиться парные слова (рус. *весел-радошен*, *ходила-гуляла*), на другом – параллелизмы, характерные для фольклорных текстов (рус. *что ходишь не весело*, *гуляешь не радостно?*), а между ними – обычные сочинительные сочетания (рус. *со весельем да со радостью*). Примечательно, что одни и те же парные сочетания часто выступают с разной степенью синтаксической слитности. Например, сочетание *пированье & столованье* у Кирши Данилова используется как поэтический параллелизм (например, *Было пированье-почестной пир*, *было столованье-почестной пир*), а в печорских былинах выступает как обычное парное слово (*пированье-столованье*). Пара *гора & дол / долина* зафиксирована и как параллелизм (укр. *ой на горі жито, а в долині просо*), и как сочинение (укр. *гори і долини*), и как парное слово (рус. *горы-долы*).

Понятие *парные слова*, бытующее в русской лингвистической традиции, удобно своей неопределенностью: этот термин ничего не говорит о морфосинтаксическом статусе этих конструкций, т.е. о том, являются ли такие сочетания сложными словами или словосочетаниями (на эту тему не существует единого мнения). Иноязычные термины, которые описывают то же самое явление, более однозначны в отнесении этих сочетаний к словосложению: их называют, следуя древнеиндийской традиции, двандва-

композирами, сочинительными или копулятивными сложениями (нем. *Kopulativkomposita*); в монографии Б. Вэлхли использование “компаративного” термина (*coordinational compounds*, “сочинительные композиты”) сочетается с сомнениями в возможности отнести их к словосложению. В советском востоковедении представлено два взгляда на парные слова – А.Н. Кононов и Н.А. Баскаков относили их к сложным словам с сочинительным типом, а Н.К. Дмитриев – к словосочетаниям.

В первой главе рассматривается редупликация.

Семантика продуктивной мотивированной редупликации обычно формулируется как некоторая модификация смысла исходного слова – например, ‘очень X’. Семантика немотивированной редупликации может иметь такую же структуру, несмотря на невозможность выделить в ее деривационной структуре этот X. Рассматривая значения, представленные у редупликации в разных языках, можно обнаружить, что некоторые из этих значений тяготеют к деривации и имеют семантику типа ‘очень X’, а некоторые – к немотивированным образованиям. Значения первого типа можно назвать *деривационными*, а значения второго типа проще всего обозначить отрицательной характеристикой, как *недеривационные*. Пример недеривационного значения – ‘болтовня, ерунда’. Оно часто выражается немотивированной редупликацией (рус. диал. *тáры-бáры, прѣнджи-брынджи, кúндры-мúндры*), но может выражаться и мотивированной (*шалтáй-болтáй*). Для недеривационных моделей редупликации существенным является сам поверхностный повтор, а наличие мотивирующей, нередуплицированной формы – факт совершенно случайный. Один из разделов второй главы посвящен непродуктивной редупликации с недеривационной семантикой. На восточнославянском материале выделяются достаточно представительные семантические группы таких повторов – ‘болтовня, ерунда’, ‘тряпье, хлам’, ‘кое-как’, ‘беспорядок’.

Главу продолжает подробный обзор существующей в литературе морфонологической терминологии, достаточно противоречивой (копия, редупликант, редупликанд, неточная / неполная / частичная / дивергентная редупликация и т.д.). Учитывая как лингвистические, так и внелингвистические факторы, автор предполагает, что самый перспективный путь к терминологической унификации – принятие англо-американского стандарта.

Далее в работе излагаются формальные морфонологические модели, предложенные для редупликации (в основном в зарубежной лингвистике). Они разделены на аддитивные и трансформационные. Аддитивное описание редупликации (классический вариант этого описания сформулирован у Л. Блумфилда) является почти общепринятым в американской лингвистике: редупликативная конструкция представляет собой сочетание основы и редупликативного суффикса, своеобразной морфемы, заимствующей свой фонемный состав из основы. В рамках трансформационного описания вся редупликативная конструкция целиком является результатом применения правила или правил к исходному знаку. Морфологическим знаком является в этом случае операция.

Изучение немотивированной редупликации, строго говоря, не относится к ведомству морфологии, что оправдывает ее исключение из рассмотрения в работах со строго очерченным предметом исследования (вроде “Курса общей морфологии” И.А. Мельчука). Современные морфонологические модели редупликации строились почти исключительно для мотивированной редупликации, и оказались принципиально неприменимы к немотивированной, потому что слишком сильно зависят от понятий *основа* (элемент редупликативной конструкции, совпадающий с мотивирующим знаком) и *копия*, или *редупликант* (элемент, который может не совпадать с основой). Для немотивированной редупликации эти понятия не имеют никакого смысла (впрочем, в некоторых случаях они непригодны и для анализа мотивированной редупликации).

Большой раздел посвящен продуктивной значащей редупликации в разговорном русском языке (вроде *картошка-мартошка*, *танцы-шманцы*). Некоторые формы (например, *зелень-мелень*, *культура-мультаура*) употребляются особенно часто и в некотором смысле принадлежат словарю, а не грамматике. Особенно много частотных форм среди названий продуктов (*зелень-мелень*, *шашлык-машлык*, *фрукты-мукты*), что объясняется в работе живой связью *м*-редупликации с определенными этнолектами русского языка. Довольно часто в такой редупликации выделяется семантика негативной оценки, однако она не является основной, а только одним из вариантов более общего значения ‘говорящий относится к X несерьезно’. Вообще, все эти эмоциональные семантические компоненты, как уже давно было отмечено в литературе, вторичны по отношению к значению репрезентативной множественности ‘X и объекты вроде X’.

В работе рассматривается граница между редупликацией и синтаксическим повторами и, шире, возможность отнести редупликацию к морфологическим или к синтаксическим явлениям. Чаще всего редуплицированную форму можно считать одной словоформой, несмотря на отсутствие “цельнооформленности”, то есть повторение окончаний (укр. *хвиг.и-миг.и*). Однако повторяться может и предлог: рус. разг. *Вы можете в Африку / в Шмафрику / куда хотите*; фольк. *На кургане, на мургане стоит курица с сергами*. Что касается фольклорного повтора предлога, то он аналогичен типичному для языка фольклора повтору предлогов внутри именной группы (*на плаху на литову, во уста в сахарные, во городе во Киеве*). В частности, в русском фольклоре предлоги присоединяются к обоим частям синонимических сочетаний: *во путь, во дороженьку; при поле, при поляне*. Однако разговорный пример так описать невозможно, потому что современному языку несвойственны повторы предлогов.

Повтор предлога перед редупликативной копией - самое слабое, чисто синтаксическое свидетельство независимости этой копии от основы. Еще более сильными, семантическими свидетельствами являются а) их сочинительные сочетания (с союзом): *И политика, и малитика* (А. Бухов), *Пикники да микники!* (Тэффи), *На столике у них маслице да фуяслице* (А. Солженицын); б) противопоставление в уступительном контексте: *Путин ли, Шмутин ли* (из Интернета) и в) употребление копии в другой клаузе: *Скинут Путина - придет Мутин* (из Интернета). Подобное явное противопоставление слова и его копии зафиксировано (по крайней мере как метаязыковая игра) и в описаниях тюркских языков (в частности, у Н. Дмитриева и А. Кайдарова).

В диссертации высказывается предположение, что неточное копирование, которое обычно явно не вычленяется из описания редупликации, следует выделить как отдельный механизм, создающий неточную копию (например, *малитика, Шмутин*). Это связано не только с относительно независимым употреблением редупликативной копии: указанный механизм может встречаться совершенно отдельно от редупликации. Например, в венгерском прозвища представляют собой неточные копии, которые строятся примерно так же, как неточные копии при редупликации: *Bandi* (к имени *Andi*), *Panna* (к *Anna*), *Pista* (к *Ista*), ср. венг. *csere* ‘обмен’ ~ *cserebere* ‘мена, торгашество’. С помощью разного рода фонетических замен, искажений общеупотребительных слов часто строится

лексика тайных языков, в частности русского арго (например, *шалото* ‘долото’, *шумага* ‘бумага’, *ширман* ‘карман’). Особенно близкой аналогией к неточной редупликации является идиш *pejsax* ‘еврейская Пасха’ ~ *kejsax* ‘христианская Пасха’, т.е. неправильная, ложная Пасха. Как и в неточной редупликации, искажение формы иконически отображает семантику искажения, порчи.

Значение русских разговорных редупликаций (и сходных повторов в восточных языках, т.н. эхо-редупликаций) можно очень приблизительно сформулировать как ‘X и объекты типа X’. Если выделить операцию построения неточной копии как отдельный языковой знак, с нею можно связать семантику ‘объекты типа X’. В этом случае копия рассматривается как отдельная лексема, а редулицированная конструкция – как особого рода парное слово. Естественно, такая трактовка неприменима к редупликациям другого типа.

Как уже сказано, синтаксический повтор целых словоформ вроде *шел, шел*, никак не затрагивающий морфологию или морфологию, редупликацией не называется. Однако по крайней мере в одном месте граница между редупликацией и синтаксическим повтором оказывается прозрачной: а именно, в зачинах аппелятивных фольклорных текстов, где неточная редупликация является вариантом точного повтора (удвоенного обращения). В самом деле, в некоторых ритуальных фольклорных текстах обращения к адресату (например, к *коляде*) допускают не только обычный для зачина фольклорных аппелятивных текстов синтаксический повтор (вроде *Коляда, коляда!*), но и неточную редупликацию: рус. диал. *Калёда-малёда, // Дома ли хозяйин?..*; влад. *Коледа, маледа, // где была?*; моск. *Коляда, маляда, // Пришла коляда...* Сходным образом, в белорусской детской потешке неточный повтор в зачине (*ласячка-басячка, дзе была?*) существует наряду с точным, записанный в другом варианте того же текста (*ласачка, ласачка, дзе была?*).

При объяснении этих случаев можно пойти по диахроническому пути и предположить, что формы с неточной редупликацией здесь прямо происходят из форм с точным синтаксическим повтором, т.е. имеет место диссимилиация *коляда, коляда* > *коляда-моляда*, причем благодаря действию такого морфонологического механизма происходит некоторое “спаивание” двух элементов в одно слово (универсальный процесс “морфологизации”, т.е. превращения отдельных слов в части слова). Автор работы, однако, не

настаивает на диахронической реальности такого развития. В любом случае, механизм диссимилиации является ключевым не только для объяснения подобных примеров, но и для объяснения неточной редупликации в целом.

Именно тенденцией к диссимилиации объясняется левосторонняя редупликация, которая часто выступает в фольклорных текстах как морфонологический вариант обычной, правосторонней. От слов, которые начинаются на губной, образование обычной редупликации, с заменой инициали на губной, затруднено (?*пень-мень* не содержало бы достаточного контраста), и поэтому образуется левая редупликация (белор. *шень-пень*).

В первом разделе **второй главы** “Парные сочетания полных слов” рассматриваются общие вопросы строения парных сочетаний.

В частности, обсуждается граница между редупликацией и сложением, которая в некоторых случаях является не вполне четкой. Промежуточные случаи чаще всего являются особого рода сложениями, в которых один из элементов так или иначе теряет свою независимость и полноточность, становится связанным. Выделяются следующие ситуации:

- а) слово, частично или полностью вытесненное из языка, но имеющие диалектные или иноязычные соответствия (например, *юдо* в русском *чудо-юдо*, сопоставимое с болг. *юда* ‘русалка, волшебница’).
- б) слово, используемое как более или менее грамматикализованная редупликативная копия, но содержащее отдельный корень (рус. *улица-хуюлица*, бел. диал. туровск. *капуста-хондзюста*). Правда, русский “корень” <ху> является довольно своеобразной морфемой, потому что чаще всего он используется в брани не для выражения “материального значения”, а только как показатель особого стиля речи. Что касается туровского говора, то данные о продуктивности рассмотренного образования отсутствуют, есть лишь один пример (*шо ты варыщи, капусту-хондзюсту або крышаны-хоньдзяны?*), мотивированный словом *хондзя* ‘малярия’.
- в) слово, преобразованное в рифму к первому в результате уподобления фонетического (*пяньки-мамки* > *пяньки-маньки*) или морфонологического (*шалить и баловать* >

шаловать и баловать). Эти случаи в статье Н.Н. Дурново обозначены как смешение двух основных моделей (редупликации и сложения, согласно современной терминологии): “существующий синоним к известному слову несколько искажается для большего сходства”. В довольно распространенном случае слово получает для рифмы морфологически бессмысленный формант, осколок слова (*по совести, по любов.ест.и*). С формальной точки зрения случаи вроде *капустяхондзюста* имеют такую же структуру (в *хондз.юста* выделяется *юста*, осколок первого слова).

Далее предлагается подробный анализ случаев фонетического и морфологического уподобления. Так, вторая часть рифмованного сочетания *няньки-маньки*, отмеченного русском фольклоре, является словом *мамки*, фонетически модифицированным под влиянием первой части. Исходное сочетание *няньки & мамки* и, в особенности, *нянюшки & мамушки*, устойчиво фиксируется в восточнославянском фольклоре. Возможно, какую-то роль здесь сыграло и наличие уменьшительной формы распространенного имени *Манька* (ср. использование заглавной буквы в записи братьев Соколовых – *и со нянькам, и со Манькам*). Несмотря на лаконичный комментарий А.Н. Афанасьева к сочетанию *няньки-маньки* (“мамки”), в целом ряде работ оно рассматривалось как редупликация.

Другой пример фонетического влияния – русское диалектное сочетание *между чáхи и ля́хи*, которое объясняется фонетической уподоблением первого слова второму (*чáхи < чéхи* в рифму к *ля́хи*). Сочетание *ко́шчи-мо́шчи* (а также *с кашчéй, с машчéй* и под.), часто используемое в полесских заговорах, возникло в результате уподобления слова *кость* (*косьць*) второму элементу (ср. без преобразования *из костéй, из мошчéй*).

При морфологической ассимиляции сходство достигается тем, что второй элемент сочетания выступает с тем же суффиксом (или с чем-то похожим на суффикс), что и первый, причем в свободном употреблении такой дериват не употребляется. Например, в русских разговорных словах *каляка-маяка* и *каракуля-маракуля* второй элемент образован в рифму к первому (от корней, представленных в глаголах *малевать* и *марать*), причем если в одном случае выделяемый формант вроде бы является суффиксом (*-яка*), то в другом случае это явно бессмысленный “обломок” (*-куля*).

Такие же бессмысленные обломки выделяются в разговорных сочетаниях *мастер-лома.стер*, *страсти-морд.асти*, в составе слова *любов.есть* (не по совести, ни по любовести).

Интересны примеры влияния второго слова на первое: это приведенные у Н. Дурново сочетания *шаловать* и *баловать* и *шатыль-мотыль*. Корень *шал-*, который обычно выступает в составе и-глагола (*шалить*), в соседстве с глаголом *баловать* приобретает суффикс *-ова-*; а *шатыль* содержит корень *шат-* (*шататься*) и редкий суффикс *-ыль*, выбранный в рифму к *мотыль*. В этих примерах влияние происходит справа налево, чем они очень напоминают левую редупликацию. Автор подчеркивает, что напоминают они левую редупликацию и формально – “основа” тут начинается с губного согласного, а “копия” (вторичный элемент) – с шипящего (как и в случаях вроде *шишел-вышел*, *шуря-буря*, *шень-пень*). Таким образом, в этих случаях необычное направление влияния обусловлено морфонологически.

Следующая проблема строения парных сочетаний, затрагиваемая в данном разделе, состоит в попытке установления морфосинтаксического ядра этих конструкций. Э. Бенвенист в известной статье “Синтаксические основы именного сложения” высказывает суждение, что в двандва-композициях два элемента совершенно равноправны, и поэтому в этих конструкциях нет никакого “главенства одного из компонентов над другим, кроме отношения предшествования, закрепленного традицией, но, впрочем, обратимого”. Предположение о том, что порядок элементов в сочинительных композициях произволен и относительно устойчив лишь благодаря традиции, опровергается исследованиями. В парных сочетаниях вообще и в сочинительных композициях в частности наблюдается множество семантических и формальных закономерностей. Известно, что на первом месте стоит слово, относящееся к объекту или понятию более важному, близкому или предшествующему во времени. Первое слово обычно короче, с большей вероятностью начинается с гласной фонемы. Рифмованные сочетания следуют определенным фонетическим моделям (особенно характерные рифмованные сочетания – с губной фонемой в начале второго элемента, как в рус. *целовать-миловать*). Более того, идея синтаксической равноправности двух элементов тоже не вполне бесспорна. Например, в сочетаниях двух существительных можно выделить (морфосинтаксический) доминант (термин Арнольда Звицкого) – то есть элемент, который определяет согласователь-

ный класс всей составляющей. В первом приближении получается, что морфосинтаксическим доминантом русских парных слов является слово женского рода: *заря-белый день в окошечка взошла, но учинилася бой-драка тут великая*.

В этом же разделе второй главы обсуждаются особенности линейной структуры парных сочетаний. Отмечается, что парные сочетания часто выступают в составе тройных сочетаний, где первые два элемента связаны особенно тесно, а третий отличается от них. Например, к устойчивой паре *гуси & лебеди* часто примыкают *утки*, ср. рус. *и стреляет гусей, белых лебедей, перелетных серых малых уточек*. К устойчивой паре *сонливый & дремливый* (рус. *ты вставай, сноха сонливая, ты вставай, сноха дремливая*) может добавляться какое-нибудь третье прилагательное, как в рус. *сонливая, дремливая, неурядливая*, укр. *одна буде дрімливая, друга буде сонливая, третяя щасливая*.

Фиксированную последовательность элементов можно считать довольно существенной особенностью парных сочетаний в целом (ср. о “непереставимости” элементов в “биномах” у Я. Малкея). Порядок элементов является менее универсальным, чем сами сочетания. Например, в русском фольклоре устойчиво фиксируется сочетание *злато-серебро*, а в украинском столь же устойчиво – сочетание *срібло-злато*. Следует отметить, что в древнерусских текстах чаще выступает последовательность *злато / золото & серебро / серебро* (но в Повести о Борисе и Глебе *серебро и золото, серебрямь и золотъмь*).

Более подробно в диссертационной работе рассматривается пара ‘есть’ & ‘пить’. Эта пара является, по всей видимости, довольно универсальным примером естественного сочинения, однако последовательность элементов в этом сочетании в разных языках разная. Для современного русского языка более естественным является порядок *есть & пить* (а также *кормить & поить*, ср. еще сходную пару *одеть & обуть*); та же самая последовательность устойчиво фиксируется в церковнославянских текстах (*или обьядохся, или опихся*), в украинском фольклоре (*істи, пити; бодай пан їв-не наївся, бодай пан пив-не напився*). Однако русский и белорусский фольклор не менее уверенно демонстрируют другой порядок (рус. *пьют-едят, напитки-наедки, Язык поит и кормит, и спину порет*, белор. *піці-есці, кабы он піў и ёў и спаў*), он зафиксирован также в украинских полесских заговорах (например, житомир. *пить-ёсти*). В результате проведенного исследования был

обнаружен аналог русско-белорусской фольклорной последовательности *пить-есть* в мордовском *s'items-jarsams* 'пить-есть'. Мордовский парный глагол, кажется, выделяется на общем финно-угорском фоне, ср. коми *сейны-юны* 'есть-пить', ханты *тэсны-янсьнынын* 'поели-попили вдвоем' и др. Близость русских и белорусских парных конструкций мордовским предлагается связать с мерянским субстратом части восточнославянских диалектов.

Другой случай, гипотетически свидетельствующий о мерянском субстрате – множественное число устойчивых пар имен собственных в русском языке: *святые власье и клименты великомученики...*, *Кузьмы-Демьяны*. Повтор показателя множественного числа в конструкции с двумя именами собственными (вроде *бориса и глеба*) хорошо известен древнерусскому языку. Данная древнерусская особенность, несмотря на отсутствие славянских параллелей, обычно возводится к индоевропейскому наследию из-за наличия сходных форм в древнеиндийском и авестийском. Однако существует и другой путь осмысления восточнославянского материала, через ареальное сближение с уральскими формами "избыточного" множественного числа в парных сочетаниях.

Второй раздел второй главы посвящен анализу устойчивых сочетаний глаголов в традиционном восточнославянском фольклоре (в материал также включены некоторые идиоматические сочетания из современных деревенских диалектов). Цель анализа состоит в том, чтобы указать на некоторые закономерности строения таких сочетаний. В основном рассматриваются глагольные сочетания, а также производные других частей речи с теми же корнями.

В начале раздела приводится семантическая классификация анализируемых конструкций. Сочетание двух глаголов может называть либо два разных факта, либо один-единственный факт. Например, в сочетании *плакать-рыдать* или *журишь-бранить* два квазисинонима по-разному называют один и тот же факт. Оказывается, что чаще всего в таких сочетаниях второй глагол имеет более частную семантику, а первый является более общим синонимом – для таких пар вводится название "действие-уточнение" (например, *убил застрелил*). В парах *плакать-тужить* или *ходили-хлопотали* два предиката называют два разных, хоть и синхронных, факта. В частности, выделяются случаи, когда второй предикат называет параллельное действие, совершаемое на фоне первого (как в случае *ходили-хлопотали*, напри-

мер). Особое внимание уделяется типу сочетаний, который назван “действие-интерпретация”: первый предикат описывает физический факт, доступный непосредственному наблюдению (*идти, скакать, плакать*), а второй предикат дает этому факту концептуальную интерпретацию или оценку, указывает на причину (*ходить-гулять, скакать-плясать, плакать-грустить*). Кроме того, выделяется особый тип сочетаний – “суммирующие” пары. Их элементы не являются (квази)синонимами, однако можно предположить, что пара предикатов обозначает один факт как некоторую сумму двух фактов. Далее в разделе последовательно рассматриваются сочетания, иллюстрирующие три семантические типа: “действие-уточнение”, “действие-интерпретация” и “суммирующие” пары.

Тип “действие-уточнение” представлен в таких примерах парных сочетаний, как: *плакать & рыдать, шуметь & греметь, биться & ратиться, биться & драться, биться & драться & рататься, бегать & скакать, спать & дремать, спать & поживать* и других.

Одним из следствий того, что в подобных сочетаниях первое слово имеет более общую семантику, является более нейтральным и употребительным, чем второе, является наличие ряда пар с одним и тем же первым компонентом достаточно общей семантики (это объясняется тем фактом, что в синонимическом ряду самых общих, нейтральных слов обычно меньше, чем более специальных). Так, например, в текстах фиксируются следующие сочетания:

– с общим компонентом **бить**: рус. *бить-лупить; разбил-розломал; и бьет их, ломит, вконец губит; бить ломить*; укр. *стали піну бити, стали колотити; стала бить, колотить* и под.;

– с общим компонентом **идти / ходить**: рус. *иде-бредте через огненну реку; ишли-брели волочебники; иди́и и брести; они́ идут, маршируют; то-то было Лукерье потише ходити, то-то было Петровне не бодро ступати*. Есть и другие примеры, где можно говорить о десемантизации этого глагола, так как последующее “уточнение” не является подвидом ходьбы: *пришло-прикатилось; подите, побегите; сошлись-съехались; разошлись да все разъехались; подошла-подъехала; прошла-протекла Камышевка-река* и др.

– с общим компонентом **стукнуть**: рус. *стучит, гремит конь; олон. в том терему стук да гром; онеж. от их пошел то*

тут еще стук да грем; арх. четыре стучихи, четыре гремихи, два бойка, одна маковка; укр. чы ты стуковий, чы ты громовий; рус. прошел стук, прошел бряк и др.

– с общим компонентом **убить**: рус. своево мужа, мужа, мужа убить застрелить; убил, сгубил серу птицу; он убил, ушиб лебедь белую маю.

В таких парах, как *знать & ведать, спать & поживать и биться-ратиться* с точки зрения современного языка прежде всего бросается в глаза стилистическая маркированность второго глагола; может быть, в языке фольклора отличие в большей степени семантическое. В парах *плакать & рыдать, кричать & реветь, *кричать & вопить (крик-вопливо), спать & дремать, идти & брести* второе слово указывают на сильную, или, в случае *дремать* и *брести*, слабую интенсивность действия, названного уже первым словом. Во многих случаях второе слово уточняет событие: конкретный вид звука (*шуметь & греть, стукнуть & брякнуть, закричали-загайкали*), характер передвижения (*идут, маршируют, собирались-соходились, бегают-скачет* и др.), способ действия (*убить застрелить*).

Тип “**действие-интерпретация**”. Во всех таких парах первый глагол обозначает непосредственно наблюдаемый факт. Второй может обозначать внутреннее состояние, которое является причиной наблюдаемого действия: рус. *не плачь, не тужи; ты не плачь, Дуня, не грусти, дура!*; *плакать, горевать*; укр. *не плач, не журись*; рус. *целовались они, миловались*; укр. *цілуються, милуються*. В качестве непосредственно воспринимаемого действия в парах “**действие-интерпретация**” нередко выступают глаголы движения, например рус. *ходишь-шатаешься; ездили-гуляли по чисту полю* и т.п.

“**Суммирующие**” сочетания представлены прежде всего в парах *пить & есть, ества & питья; поить & кормить; пированье & столованье; обувать & одевать; ходить & ездить*. При этом обращается внимание на тот факт, что последовательность элементов внутри некоторых пар отличается не только в разных восточнославянских языках (напр., последовательность внутри пары *пить & есть*), но и в разных подсистемах русского языка (напр., для русских фольклорных текстов характерен порядок *обувать & одевать* и особенно *пить & есть, поить & кормить*, а современный литературный язык демонстрирует скорее обратный порядок).

На основании проведенного анализа парных глаголов в восточнославянских фольклорных текстах автор высказывает гипотезу о том, парные глаголы в языке фольклора предполагают логическое выделение второго элемента. Это проявляется в том, что в конструкциях типа “действие-уточнение” первый глагол десемантизируется, а основную семантическую нагрузку несет второй, имеющий более частную семантику. Кроме того, второе глагол указывает на более значительное действие как в парах “действие-уточнение” (как в *плакала-рыдала, кричит-ревет* и др., где второй компонент является интенсификатором), так и в суммирующих сочетаниях (вроде *пить-есть*).

Третья глава посвящена фонетическим закономерностям, характерным для рассмотренных сочетаний.

В рассматриваемом материале выделяется два типа фонетического соотношения элементов редупликативной конструкции – чередование согласных (укр. *гейло, бейло*) и чередование гласных (рус. *фик-фок*); по крайней мере в считалках чередование гласных обычно сопровождается чередованием согласных (бел. *чукэр-макэр*).

Основной моделью образования рифмованных сочетаний в рассматриваемых случаях является сочетание с [м] в начале второго сегмента, как в рус. *хухры-мухры, калина-малина, кутить-мутить*, белор. *чукэр-макэр*, полес. *кошчи-мошчи*, укр. *цілує, милує*. Согласный [м] можно представить как пучок дифференциальных признаков: <+сонант, +назальность, губной>. В обсуждаемых языках сонанты всегда звонкие, но для того, чтобы представить другие модели как более или менее сильные отклонения от этого прототипа, нужно иметь в виду и этот признак. Признак назальности наиболее слабый среди этих признаков: [н] не выступает, насколько нам известно, в функции [м]. Часто используется [в] (тоже губной звонкий, причем часто сонант, но неназализованный), ср. примеры из считалок: рус. *солома-волома*, укр. *шіндір, віндір*. Далее, вторая часть рифмованных сочетаний может начинаться как с глухого губного [п], так и со звонкого губного [б], однако [б] используется чаще (ср. рус. *жил-был*, ураль. *пріндџи-брџиндџи* ‘болтать’, белор. *сахар-бахар* в считалках, *колючи, болючи* в заговорах, укр. *гейло, бейло* в считалках; ср. с [п] пару *шататься-пытаться*, известную из смоленских “волочевных” песен). Иногда представлены также сонанты другого места образования – [ʃ], [р],

[л] (например, белор. *саломіна, яломіна* в считалках, укр. обращение к улитке *павле-павле / павлику-павлику*).

Существуют также определенные предпочтения, связанные с выбором инициали первого элемента: это предпочтительно заднеязычный глухой или спирант. Наиболее обширный и показательный материал для изучения фонетических моделей дает немотивированная редупликация в считалках. В результате обследования значительного корпуса восточнославянских считалок была выведена следующая иерархия встречаемости согласных в начале первого элемента: [ч] (белор. *чукэр макэр*) > [ш] (укр. *шэнец, мэнец*) > [к] (рус. *колдыш, молдыш*) > [т] (рус. *туни, муни*). В левосторонней редупликации лучше всего представлен [ш]: рус. *шерба верба, шарин барин*, укр. *шуря-буря*, белор. *шень-пень*, ср. также левую редупликацию, универсально представленную в считалках из всех восточнославянских регионов: ср. рус. *шишел, вышел*, белорус. *шышал, вышал*, укр. *шийшов, вийшов / шишов, вийшов* (sic!).

Главное комбинаторное требование – максимальный контраст двух инициалей. Из этого есть совершенно очевидные следствия (избегаются одинаковые и близкие согласные); можно предположить, что с обеспечением большего контраста связана и закономерность, в соответствии с которой гласная инициаль первого сегмента хуже сочетается с [м] в начале второго, в этом случае вероятней [б] (как в рус. *аты-баты*, белор. *окон бокон*, укр. *ата, бата*).

При интерпретации описанной фонетической модели обычно исходили из того, что в начале второго сегмента стоит губной, однако никакого разумного объяснения этому предложено не было. С нашей точки зрения, конституирующим является признак звонкости (сонантности) у этой фонемы, обусловленный тем, что она чаще всего находится в интервокальном положении. Наоборот, начало первого сегмента уподобляется предшествующей паузе и чаще всего является глухим согласным. Именно сонантические характеристики чередующихся фонем в сочетании с требованием к максимальному контрасту приводят к столь распространенному чередованию [к] ~ [т]. Из синхронной типологии известно, что наиболее удобное место образования звонких согласных – передние ряды, а глухих – задние.

Преимущественно вокальные и сонантические финали (особенно в немотивированной редупликации: рус. *принджи-*

брынджи, аты-баты, белор. *чукэр макэр, окон бокон*, укр. *шіндір, віндір. гейло, бейло*) обусловлены универсальной немаркированностью открытых слогов.

В **Приложении** приводится список немотивированных редупликаций из восточнославянских считалок, упорядоченные по начальным фонемам первого и второго элемента.

В **Заключении** перечисляются основные результаты проведенного исследования, позволяющие увидеть общие закономерности в столь разных по природе явлениях, как редупликация и парные слова, а также прояснить суть неточной редупликации. Последняя осмысливается в работе двумя путями: с одной стороны, через выделение операции неточного копирования, позволяющей рассматривать редулицированные формы как своего рода парные слова, с другой стороны, как фонетическая игра, как идеальное выражение фонетических закономерностей, которые менее последовательно проявляются и в парных сочетаниях. Также намечается дальнейшая работа над материалом, рассмотренным в диссертационном сочинении, которая будет состоять прежде всего в создании лексикографического описания.

Опубликованные работы по теме диссертации

1. Использование неточной редупликации в русском языке: этнолекты и разговорная речь // Исследования по восточнославянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 102–119.
2. Из лексики одного новгородского говора // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексикография и лингвогеография. М., 2003. С. 282–286.
3. Неточная редупликация как средство выражения значений репрезентативной множественности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог'2002. Том 1. Теоретические проблемы. М., 2002. С. 291–295.
4. Reimwörterbildung с неточной рифмой // Третья зимняя типологическая школа. [Сборник тезисов]. М., 2002. С. 200–204.
5. Ономастопозитическая редупликация в восточнославянских диалектах // Исследования по восточнославянской диалектологии. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 204–219.

Подписано в печать 06.07.2004
Объем 1,0 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – titlen@mail.ru

